

МЕЧТА И ПРОКЛЯТИЕ САВВЫ МОРОЗОВА

Все закончилось 13 мая 1905 года в «Царском отеле», одной из самых дорогих гостиниц на каннской Ривьере. Раздался выстрел, женщина вбежала в комнату и закричала: ее муж лежал на диване, а рядом на полу поблескивал маленький плоский пистолет. Предсмертную записку нашли на туалетном столике.

разу «В моей смерти прошу никого не винить» сочли достаточным доказательством самоубийства, и французская полиция закрыла дело, не

обратив никакого внимания на показания жены. А та уверяла, что окно было открыто и она заметила человека, бегущего от отеля. Покойник лежал с закрытыми глазами, но до его век никто из домашних не дотрагивался. Да и почерк на записке показался ей немного необычным... Зинаида Григорьевна Морозова, урожденная

Зиминая, была свято убеждена, что муж никогда не решился бы на самоубийство.

В Россию его высокоблагородие Савва Тимофеевич Морозов, мануфактур-советник, кавалер орденов Святой Анны первой и второй степеней, потомственный почетный гражданин, бывший технический директор фирмы «Савва Морозов, сын и К^о», вернулся в свинцовом гробу. На старообрядческих похоронах говорить не принято, и московский градоначальник граф Шувалов был искренне рад этому обстоятельству — времена стояли беспокойные, и траурная церемония могла превратиться в митинг. Морозовский клан испытывал глубокое униже-

После смерти мужа Мария Федоровна Морозова железной рукой правила семейным предприятием: когда она заняла пост директора-распорядителя Товарищества Никольской мануфактуры, ее личный капитал составлял 16 миллионов рублей

ние: самоубийц не хоронили в освященной земле, и покойника пришлось объявить сумасшедшим. В том, что произошло на самом деле, не стал разбираться никто: французской полиции не было дела до русского, русской жандармерии — до того, что случилось во Франции. Опозоренные Морозовы хотели, чтобы эта история поскорее забылась, а охранное отделение и без того задыхалось от работы — несколько месяцев назад закончилось московское восстание, и у него были дела поважнее. Настоящего расследования не проводилось, и о том, что стояло за этой смертью, знакомым Саввы Тимофеевича оставалось только догадываться.

...Невысокий рост, плотное телосложение, быстрые, пронизательные, чуть раскосые глаза. Татарские скулы, широкий лоб, хитрая манера прикидываться простачком — и огромное, непробиваемое

упрямство. Хорошее образование (отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета, стажировка в Кембридже), трудолюбие и крепкая деловая хватка, склонность к прожектерству, великодушие, подозрительность... Словесные и психологические портреты Морозова составляли и охранное отделение, и боевой отдел РСДРП(б) — но мать знала о нем куда больше, чем жандармские и большевистские аналитики.

...После смерти мужа Мария Федоровна Морозова железной рукой правила семейным предприятием: когда она заняла пост директора-распорядителя Товарищества Никольской мануфактуры, ее личный капитал составлял 16 миллионов рублей, а к моменту смерти вырос почти в два раза. Дочерей она выдала замуж, младший сын коммерческими делами не

интересовался, жениться не желал — два раза в неделю, точно выполняя предписания домашнего врача, он посещал венгерскую танцовщицу и опекал никому не известного художника, какого-то Левитана. А вот Савва оказался настоящим купцом: таких умов в Москве сыскать трудно.

лежали рядом с молитвенником, написанным старообрядческим полууставом. Хозяйка Никольской мануфактуры (шесть основных производств, занимающих четыреста гектаров земли, чугунолитейный и химический заводы, несколько тысяч рабочих) видела людей

ским директором фирмы, на Никольской мануфактуре все время что-то меняли и перестраивали. Он оборудовал электростанцию и завозил из Англии новые станки, прикупал химические заводы и лесные угодья: деньги разлетались, но оборачивались новыми деньга-

Много лет назад Савва сообщил матери, что женится — а жену собирается увести у собственного племянника

Мария Федоровна жила по старинке: ее особняк в Большом Трехсвятском переулке был набит богомолками и приживалками, электричества и кранов с горячей водой здесь бы не потерпели. У икон теплились лампадки, умывалась она на старинный манер — французским одеколоном, бухгалтерские книги

насквозь и знала, чего от них можно ждать. Савва был ее главной гордостью.

Строгий английский костюм, идеальный пробор и почтительное «о» через каждое слово — он приезжал к ней по воскресеньям, подходил к ручке, рассказывал о детях и о том, что делается на фабрике, — после того как сын стал техниче-

ми. Сын был широк, но из расчета не выходил.

Морозовы любили коней, и Мария Федоровна знала, что чистокровным жеребцам надо давать волю — и Савва был почтителен (он тоже отлично понимал мать), но всегда поступал по-своему. Она ему не мешала... пока это не угрожало делу.

Усадьба Сушнево. Слева И. Левитан, в центре — З. Г. Морозова и А. Т. Морозова. Савва Морозов крайний справа

Много лет назад он вежливо щелкнул каблуками, склонил голову, подошел к ручке и сообщил, что женится — а жену собирается увести у собственного племянника. Племянник, Сергей Викулович Морозов, был человеком непутевым, задлым охотником и игроком, и Мария Федоровна жалости к нему не испытывала. Но старообрядцы свято чтят свои законы: Морозовы не курили, не сквернословили, держали слово, ни на кого не повышали голоса, работали с утра до ночи и не женились на разведенках. К тому же есть вещи, которые опытная женщи-

рию, скончавшись вскоре после Второй мировой в бедности и забвении. Перед смертью Зинаида Григорьевна напишет мемуары, в которых о втором муже скажет очень мало — его мать оказалась права: Зиночка Зимина не умела прощать и ничего не забывала. А пока что вдова, высохшая и почерневшая от горя, не может сдержать крик: Зинаида Григорьевна успела заметить, что женщины, которую она ненавидит больше всего на свете, здесь нет, и вместе с горем ее душат ярость и возмущение. Вдова знает, кто виноват в том, что Савва Тимофее-

не полиция, заставившая ее забиться в глухой лесной угол Финляндии. Вскоре она на много лет покинет Российскую империю, и Морозов станет ее прошлым — полузабытым, похороненным под ворохом других забот и воспоминаний. Но пока что их судьбы еще сплетены.

За много верст от Москвы, в Финляндии, в усадьбе Варен, пылают изразцовый камин, и бревенчатые стены тонут в полумраке. Поскрипывает кресло-качалка, и высокая рыжеватая дама, откинувшись на спинку, вертит в руках телеграмму с сообщением о похоронах. С тех пор как

Зинаида Григорьевна знала, кто виноват в том, что ее муж Савва Тимофеевич Морозов лежит в гробу

на может распознать сразу. У Зиночки Зиминной был чересчур тяжелый взгляд и резко очерченный рот: такие умеют себя поставить, ничего не забывают и не прощают обид. И все же Зинаида Григорьевна любила ее сына, а Савва уже закусил удила; матушка (для острастки и приличия выждав месяц) дала согласие — и теперь, семнадцать лет спустя, вдова Саввы стояла рядом с ней возле украшенного позолоченной бронзой гроба и рыдала взахлеб, с воем и причитаниями, как умеют только русские бабы.

Зинаида Григорьевна Морозова проживет долгую жизнь. Она пережила мужа, его фирму и даже Российскую импе-

вич лежит в гробу, и если бы разлучница осмелилась войти в собор, произошло бы что-то ужасное. Но ее здесь нет, а слова все равно рвутся наружу: «Теперь ты видишь, Савва?! Видишь, кто она?! Я же тебе говорила!..»

...Марию Федоровну Андрееву scandal бы не испугал: эта дама мало чего боялась и знала, что на похоронах ей надо быть обязательно. И несмотря на то что оскорбительная публичная ситуация доставила бы ей не меньшее огорчение, чем возможный арест, она непременно приехала бы на панихиду, если бы не из рук вон плохо работающая почта, задержавшая телеграмму с датой отпевания, и

они познакомились с Саввой Тимофеевичем Морозовым, прошло восемь лет, и, говоря по чести, ей не в чем себя упрекнуть.

Мария Федоровна Андреева всегда оставалась глубоко порядочной женщиной, а восемь лет назад она к тому же была светской дамой и очень сильно скучала. Ее отец, неимущий дворянин, работал главным режиссером Александринского театра, и девушка пошла было по актерской стезе, но ее судьбу круто изменил ранний брак. Муж, хороший, добрый человек, был старше ее почти вдвое: через девять лет ей исполнилось тридцать, ему — сорок семь, и они жили под

**Имение Покровское-Рубцово. 1898 г.
Дети Морозова (слева направо: Тимофей, Мария, Елена)**

одной кровлей как добрые друзья. О том, что их брак давно лишь формальность, друзья семьи и не подозревали. К этому времени господин Желябужский имел чин действительного статского советника и занимал высокий пост в железнодорожном ведомстве. В их доме собирался московский свет, с молодой генеральшей раскланивался столичный наместник, великий князь Сергей Александрович. У нее было двое прелестных детей, чудесный дом, длинный список поклонников. И все это казалось ей беспросветной рутинной.

Дама в качалке комкает телеграмму и бросает ее на пол, огонь в камине разгорается, выхватывая из темноты руку с тонкими пальцами, мягкий овал лица, спокойные карие глаза, высокий лоб и тонкий, словно на античной каме, профиль. Кресло покачивается, потрескивают поленья, Мария Федоровна Андреева смотрит на рыжие всполохи и думает о своем: в огромном зале Дворянского собрания играет музыка, горят хрустальные люстры, проходящий мимо высокий конногвардеец галантно кланяется, качнув золотым аксельбантом, а неболь-

шой человек с острым взглядом раскрытых глаз всюду следует за ней, словно ждущая ласки собака.

И она, и ее муж страстно любили сцену — господин Желябужский был талантливым актером-любителем. Статский советник вместе с женой выступали в домашних спектаклях, видный московский фабрикант господин Алексеев, красавец, франт и звезда любительской сцены (там его знали под псевдонимом Станиславский), был их добрым знакомым. Желябужский выбрал себе сценическое имя Андреев. Под этой фамилией дебютировала и Мария Федоровна на сцене Московского художественного театра.

...Имение Станиславского под подмосковным Пушкином, репетиции, первые спектакли, поездки к Чехову в Ялту, успех — и разговоры о том, что театр находится под угрозой: он не приносит дохода, а родственники Алексеева отказались вложить деньги. Тогда в ее жизни и появился Савва Тимофеевич Морозов. Миллионер был сдержан, немногословен, не любил, когда на него обращали внимание, но деньги театру дал он, а не кичившиеся своей благотворительностью московские купцы. Тогда мрачноватый и неразговорчивый Морозов сильно ее забавлял; то, что смеяться над ним нельзя, она поняла позднее.

Династия Морозовых вела свою родословную с начала прошлого века: крепостной мужик открыл собственную ткацкую мастерскую, заработал денег, выкупил у барина себя и родных, перебрался в Москву — и в конце жизни завещал каждому из сыновей по ткацкой фабрике.

Зинаида Григорьевна Морозова была красива тяжелой купеческой красотой: высокий рост, броская русская стать, огромные глаза

минуты, когда Вами владеет актрерка? Это так противно Вашей натуре, что я уверен, Вы сами этого не замечаете. Вы хвастаетесь публично перед почти посторонними Вам тем, что Зинаида Григорьевна ищет Вашего влияния над мужем. Вы, ради актерского тщеславия, рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич по Вашему настоянию вносит целый капитал ради спасения кого-то...» Это письмо написано сразу после того, как Андреева, первая актриса театра, игравшая главные роли, объявила, что порывает с МХАТом. Она запомнила его на всю жизнь — упрек был справедлив, тогда в ней оставалось еще чересчур много от болтливой московской кокетки. Женщина, перебирающая свое прошлое в финской глуши, выдала ее из себя начисто: Станиславский не подозревал, что в боевой группе ЦК большевиков она была известна под партийными кличками Феномен и Белая ворона.

..Женщины едва знали друг друга — жена Морозова была глубоко безразлична Марии Федоровне. А та благодаря Андреевой испытала унижение, которого хватило на всю жизнь: муж влюбился в эту даму и в течение нескольких лет жил со

Морозов понял, какую муку может принести любовь к красивой, умной и абсолютно недоступной женщине

В начале века существовало несколько морозовских кланов, и Тимофеевичи считались самым богатым. В Орехово-Зуеве им принадлежало все (там они содержали школы и полицию, больницы, газеты и церкви), их предприятия называли самыми прибыльными в России, а у Саввы Морозова кроме паев родовой фирмы были и собственные химические заводы, лесозаготовки и рудники.

Морозов — любимец всесильного премьер-министра Витте, представившего его императору. Морозов — самый известный московский капиталист, и пост городского головы ему не достался только по молодости. Он, убежденный либерал английского толка и истый старообрядец, лоялен к высшей власти и надменен с местной (великого князя, пожелавшего осмотреть его новый особняк, вместо хозяина ждал дворецкий). Но с рабочими Савва

Тимофеевич добр. На фабриках, принадлежащих другим Морозовым, об Орехово-Зуеве рассказывают легенды: там на четверть больше платят, и рабочие запросто подходят к техническому директору: «Савва Тимофеевич, дайте закурить». Все это Мария Федоровна узнала позднее, а тогда, в начале знакомства, имело значение другое: московский миллионер влюбился в нее сразу и на всю жизнь, и ей это льстило. А он быстро понял, какую муку может принести любовь к красивой, умной и абсолютно недоступной женщине.

Пройдет несколько лет, и Станиславский напишет ей резкое письмо: «Отношения Саввы Тимофеевича к Вам — исключительные. Это те отношения, ради которых ломают жизнь, приносят себя в жертву, и Вы это знаете и относитесь к ним бережно, почтительно. Но знаете ли, до какого святотатства Вы приходите в те

своей законной женой так, как могли бы жить брат с сестрой; потом у дамы появился любовник, и Савва снова вернулся в супружескую постель... Зинаида Григорьевна была красива тяжелой купеческой красотой: высокий рост, броская русская стать, огромные глаза, роскошные волосы и плечи, которым позавидовала бы Венера. Она была простой женщиной, и то, что происходило с мужем, было вне ее понимания. Споспожа генеральша уходит от своего статского советника к какому-то писаке, а Савва по-прежнему выполняет все прихоти этой дамы, более того — он становится близким другом ее сожителя! В морозовском особняке появляется новый сотрудник фирмы, какой-то господин Красин — свекровь говорит, что на самом деле это опасный политический преступник и Саввушка еще доиграется. А ветеринар, работавший у них в имени,

Андреева полюбила — сразу и навсегда. Перед одним из спектаклей в ее гримбуорную привели Максима Горького — странного, высокого, худого как щепка, нелепо одетого, дурно воспитанного человека

на — сильный, волевой и страстный человек, и в доме мужа, и на сцене ей тесно. У каждого времени свои мифы: сто лет назад женщина, стремившаяся послужить ближним, ушла бы в монастырь, в начале же двадцатого века в России шли в революцию. Ее выбор объясняли по-разному, но в том, что он был искренен, не сомневался никто. Сама она и не заметила, как стала Феноменом. Сначала Мария Федоровна подружилась с марксистом-репетитором своего сына, затем с его друзьями-студентами, они изучали «Капитал», потом ее попросили собрать для партии немного денег, и дело пошло так хорошо, что хватило на издание «Искры». Потом студентов сослали. Мария Федоровна, играя в этот день Ирину в «Трех сестрах», так рыдала, что встревоженный Морозов помчался на Петровку, в магазин Пихлау и Бранта, купил целую партию меховых курток — их хватило на всех арестованных студентов Московского университета, а потом внес министру внутренних дел десять тысяч рублей залога. Морозов давал деньги, которые шли и на поддельные паспорта, и на оружие, и на «Искру», а в ней печатали репортажи из Орехово-Зуева, где рассказывалось, как голодают его собственные рабочие. (О том, что правды здесь мало, Мария Федоровна не думала — на фабрике она не появилась ни разу в жизни.)

Морозов давал деньги и на оружие, и на «Искру», а в ней рассказывалось, как голодают его собственные рабочие

оказался революционером Бауманом: перед московским восстанием его убили на улице, и за гробом шли двести тысяч человек! Муж занимался делами фирмы — и давал приют тем, кто собирался ее отобрать. Зинаида Григорьевна Морозова не разбиралась в нюансах. Она считала Савву сбившимся с пути, вывихнутым, неправильным человеком, но они прожили в любви и согласии больше десяти лет, и она оплакивала свою молодость, прекрасное начало их брака, то, как он заботился о ней и старался ее порадовать. Муж вернулся к ней, она родила ему сына, но он все равно любил другую. Ей казалось, что

статская советница приворожила Савву, а затем выжала и бросила.

Госпожа Андреева видела ситуацию другими глазами. Она, которой вот-вот исполнится тридцать, живет с мужем, как с добрым соседом, и все еще ожидает любви — но интрижка для Марии Федоровны невозможна. Морозов не мог стать ее любовником: во-первых, это пошло, во-вторых, вызвало бы величайший скандал и начисто сломало их судьбы — ведь Москва следила за ними во все глаза. К тому же это не имело ни малейшего смысла — она уважала Морозова, но совсем не любила.

Ее друзья знали, что Мария Федоров-

А потом она полюбила — сразу и навсегда. Перед одним из спектаклей в ее гримбуорную привели Максима Горького — странного, высокого, худого как щепка, нелепо одетого, дурно воспитанного человека. Но у него длинные пальцы, чудесная улыбка и прекрасные голубые глаза. Он говорил басом, курил в кулак, держался то слишком выпендренно, то чересчур скованно и обожал дешевые безделушки, на которые ей было противно смотреть. Он был гением (Мария Федоровна поверила в это, как в «Капитал»), настоящим человеком, победившим и несправедливость, и нужду, в нем вопло-

рез голову технического директора вызвал войска. Рабочие палили в солдат из револьверов, а по ночам обстреливали проходящие мимо Орехово-Зуева поезда, громили дома служащих и избивали штрейкбрехеров. В конце концов после нескольких прицельных залпов армейской колонны толпа испуганно разбежалась — Мария Федоровна Морозова знала, как надо разговаривать с фабричными, и через несколько дней со стачкой было покончено. Новым техническим директором стал тот, кто вытребовал у губернатора солдат и казаков, — вскоре, правда, его убили выстрелом в затылок.

Мария Морозова понимала, что ее старший сын потерпел полное поражение. На Художественный театр он потратил и уйму денег, и несколько лет жизни: подыскал для него здание в Камергерском, целыми днями пропадал на стройке, а в результате господин Немирович выжил его из правления. Женщина, которую он любил, предпочла другого, идеи, в которые он верил, провалились — вместо парламента Россия получила погром. Матери было отлично известно, что Савва повздорил с господином Горьким. (И что за омерзительный человек, в самом деле! Вечно чем-то недоволен, вечно кого-то ссорит! Да и стоит ли ему

На театр Савва потратил уйму денег и годы жизни, а в результате Немирович выжил его из правления

тилось все, чему она хотела служить. В «На дне» Андреева играла Настю, и когда автор вышел на аплодисменты, они поцеловались в первый раз — на глазах у бешено аплодирующих зрителей. Через год она ушла от мужа, так и не получив развода. Светские приятели сделали вид, что ее не существует — семейство знакомого камергера проходило мимо, не раскланиваясь, ее перестали приглашать друзья мужа, и лишь Савва Морозов по-прежнему оставался ее рыцарем — он жалел только о том, что ему, постороннему человеку, невозможно за нее заступиться... Это было и трогательно, и смешно, и она с удовольствием пересказывала его слова Горькому.

А вскоре всех закружит водоворот московского восстания. В квартире у Горького и Андреевой обоснуется штаб дру-

жинников: в задней комнате будут храниться ручные гранаты и гремучая ртуть, на полу расположится охрана из студентов-кавказцев — папиросный дым, патроны в ящиках столов, неделями не мывшиеся люди, прячущие под одеждой мешочки с динамитом. А Морозов умчится к себе, в Орехово-Зуево: член ЦК РСДРП, руководитель боевой группы Красин, которого обожаемая Мария Федоровна пристроила к нему на работу, не только хороший электрик, но и знающий свое дело подпольщик, и на Никольской мануфактуре началась грандиозная стачка. Доходы резко упали, а рабочие требовали выплаты наградных. Морозов пытался договориться, но его уже никто не слушал, даже семья: мать решила, что Саввушка наконец доигрался, и один из служащих Никольской мануфактуры че-

корчить из себя босяка — все знают, что его дед был купцом второй гильдии и оставил хорошее наследство!) О том, что бывший электрик Никольской мануфактуры приходил к Савве за деньгами, Марии Федоровне тоже успели доложить: она знала, что разговор вышел холодным, и революционный господин ушел ни с чем.

Савва оскандалился: он надерзил премьер-министру Витте, полиции было известно, что революционеры получали морозовские деньги — и руководить фирмой старший сын больше не мог. Но Мария Федоровна поступила по-матерински тактично и мягко — она назначила его заступающим на свою собственную должность — должность директора-распорядителя. А умирать в обозримом будущем старуха не собиралась.

Сын впал в меланхолию, был то мрачен, то резок, плохо спал, плохо ел, и домашний доктор говорил о тяжелом нервном расстройстве. Так пусть Савва едет за границу: там нет ни шушукающихся за спиной знакомых, ни любопытных русских полицейских, ни — пронеси, Господи! — баррикад.

Андреева считала, что Морозов находится под домашним арестом и семья собирается объявить его сумасшедшим, но этого не было и в помине — просто он стал неудобен, и его хотели спрятать... А о дальнейшей его судьбе можно было бы расспросить ее партийного наставника, таинственного и вездесущего Леонида Борисовича Красина.

Партия нуждалась в деньгах, и Красин доставал их повсюду. После революции 1905 года Россию охватила волна налетов на банки и перевозившие деньги кареты — этим занимались и эсеры, и большеви-

ки. То, что во время перестрелок гибли случайные люди, их не останавливало. Один из родственников Саввы Морозова, двадцатичетырехлетний Николай Шмитт, мебельный фабрикант, на свои деньги вооруживший собственных рабочих, сражавшийся на баррикадах и погибший в тюрьме, завещал большевикам все свое состояние. Красин подыскал для его несовершеннолетних сестер надежных партийных мужей: один из них, правда, не захотел делиться с партией, зато из второй девушки член ЦК РСДРП вытряс все до рубля. Красина не остановило бы ничто, а он знал, что Морозов застраховал свою жизнь на сто тысяч рублей и отдал полис Марии Федоровне Андреевой.

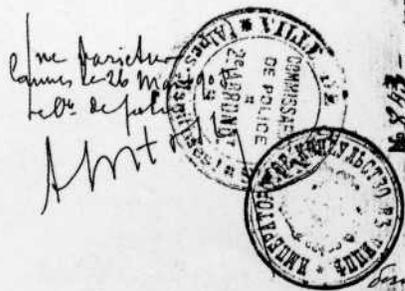
Через много лет она вспоминала, что Морозов часто называл ее «нелепой бессребреницей».

— Ох, Мария Федоровна, останетесь вы на старости лет без гроша за душой,

Зинаида Григорьевна Морозова после похорон Саввы в Покровском-Рубцове

Во всем смерти прощу
никого не винить.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РОССІЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО

Сияя удостоверяет подлинность *подлинности*

подписи подписан *Камилла Ивановна*

Камилла Ивановна 2-го класса в Каннах

и Анфосии

г. Ницца *Февраль 4-го* 1905 года

Генеральный Консул:

Н. С. Савва

Предсмертная записка написана упрощенным вариантом морозовского почерка... Родные так и остались уверенными в том, что на самом деле его убили. (Предсмертная записка С. Морозова и отрывок из его письма актеру МХАТа)

рый в это время уже был психически расстроен. Под влиянием таких условий и упрощенным вариантом морозовского почерка... Родные так и остались уверенными в том, что на самом деле произошло убийство, но копаться в этой истории у них не было ни желания, ни сил.

Сегодняшние врачи называют диагностированное у Морозова «тяжелое нервное расстройство» легкой депрессией. Предсмертная записка написана упрощенным вариантом морозовского почерка... Родные так и остались уверенными в том, что на самом деле произошло убийство, но копаться в этой истории у них не было ни желания, ни сил.

Женщина, любившая Морозова, и та, кого любил он, не были счастливы. Через два года Зинаида Григорьевна вышла замуж за нового московского градоначальника, свитского генерала Рейнбота, и поселилась вместе с ним в имении Горки. Рейнбот изменял ей, и жена, выставив его из своего дома, жила одна — долго и бедно. Кладбище, на котором ее похоронили, вскоре сровняли с землей — теперь на этом месте аэродром.

пешком подъезду и спустившись
переходящего уровня были там
читать и считать сейчас
ишее участие мое во всем
нашишей составили
ишь цель совершено бед

Андреева уехала из России вместе с Горьким. Гордая и независимая женщина превратилась в тень писателя

обдерут вас как липку и родные, и чужие, и умрете вы где-нибудь под забором...

- Да ведь я и ваши сто тысяч отдам.
- Это мне будет все равно. Я этого уже не увижу.

Императорская полиция не устанавливала за Морозовым внешнего наблюдения, но Зинаида Григорьевна вспоминала, что за границей под их окнами и дверью постоянно мельтешили «шутеры», и муж ругал бездарно работающую охранку — ему и в голову не приходило, что это могут быть люди большевиков. Красин приезжал к нему в Канн, снова просил денег и снова ушел ни с чем, а через несколько дней она услышала выстрел, вбежала в комнату Саввы и увидела вытянувшееся на диване тело, лежащий на полу браунинг и открытое окно. Французская полиция закрыла дело, родные устроили Морозову пышные похороны, Мария Федоровна получила деньги по страховому полису и отдала партии шестьдесят тысяч. Остальные

пошли на уплату долгов и на жизнь ее сестре.

Об этой смерти будут говорить разное. Мать станет уверять, что Морозов застрелился в припадке безумия (одна из его сестер тоже покончила с собой, другая еще в молодости сошла с ума), большевики — что его застрелила полиция, и они постараются сделать Морозова пламенным революционером. Горький напишет, как зимой 1905 года Морозов следовал за ним по пятам с браунингом в кармане — якобы Савва Тимофеевич самоотверженно охранял «буревестника революции» от угрожавших ему смерти черносотенцев. Однако градоначальник граф Шувалов в секретном донесении, направленном в департамент полиции, писал другое: «Нездолго до выезда из Москвы Морозов рассорился с Горьким, и по приезде в Канн к нему по поручению писателя приезжал один из московских революционеров, а также революционеры из Женевы, шантажировавшие покойного, кото-

А Андреева уехала из России вместе с Горьким. Они жили в Америке, потом на Капри, Мария Федоровна много работала, страдала из-за того, что не имела ни своих денег, ни своей жизни («Я верная собака при Алексее Максимыче»). Гордая и независимая женщина превратилась в тень писателя. Правительством амнистировано ее, и она вернулась домой, играла в плохих театрах, старела, грустила, после революции стала комиссаром театров и зрелищ Петрограда, а потом работала чиновницей в берлинском торгпредстве, «Куста-экспорте», заведовала Домом ученых...

Она стала правоверным винтиком партии: обуздывала фантазию, смирила характер — Мария Федоровна работала там, куда ее посылали, и утешала себя воспоминаниями.

Савва Морозов любил ее больше жизни, она была его мечтой и его проклятием. Ради нее он сломал свою судьбу, но об этом Мария Федоровна давным-давно забыла... **Алексей Филиппов**